

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТ ПЛЮРАЛИЗМА ПОДХОДОВ К ГОСПОДСТВУ «МЕЙНСТРИМА»?

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Байкальский государственный университет экономики и права,
e-mail: maid1960@mail.ru

Основную причину утраты историографией экономической науки своего дисциплинарного статуса автор усматривает в недостаточной рефлексии по поводу предметно-содержательных оснований и используемых дисциплиной историографических подходов. Только преодоление презентизма, характерного для построений исторической родословной, как марксистской теории в советский период, так и теорий современного неоклассического мейнстрима или неортодоксальных направлений, будет способствовать обретению дисциплиной собственного предмета и методов, отличных от современной экономической науки.

Ключевые слова: историография экономической науки; история экономической мысли; история экономической науки.

The history of economic thought has lost its status as a discipline and, according to the author, the main reason for that is insufficient reflection concerning the conceptual basis and the historiographical approaches used by the discipline. Only overcoming the presentism (whiggism), which is typical for making the historical genealogy for the Marxian economic theory in the Soviet period and also for the theories of neoclassical mainstream or heterodox theories, will conduct the discipline to get its own subject and methods that are different from modern economics.

Keywords: historiography of economics; history of economic thought; history of economics.

Коды классификатора JEL: B00, B40, N01.

История экономической мысли – уже давно и неуклонно маргинализирующаяся отрасль экономического знания. Ответственность за это вряд ли удастся возложить на одну лишь неблагоприятную «внешнюю» (идеологическую, политическую, экономическую) среду, в которой приходится существовать, а порой и просто выживать, многим отраслям социогуманитарного знания. Тем более что аналогичный процесс идет и в относительно благополучной западной науке. Основную вину за утрату дисциплинарного статуса следует возложить на нерешенность многих, прежде всего, внутридисциплинарных проблем, как социальных, так и интеллектуальных, начиная от разобщенности дисциплинарного сообщества и завершая слабой, явно недостаточной рефлексией по поводу собственных предметно-содержательных оснований и используемых историографических подходов.

Цель новая, средства старые

В своем последующем анализе обозначенных проблем оттолкнемся от предельно ясно сформулированной позиции, своими работами последних лет снискавшего авторитет и признание историко-научного сообщества, П.Н. Ключкина. По его мнению, в силу отнюдь не конъюнктурных соображений (кризис, однако), но в связи с «долгосрочным состоянием дел в отечественной науке», свое веское слово в последней должна сказать «история экономической мысли, понимаемая как научная дисциплина, а не просто коллекция фактов и сведений для повышения «общей культуры». Для полноты картины обратим внимание не только на выделенные автором курсивом слова, но и лишь на первый взгляд малозначащее уточнение: речь преимущественно идет о той части экономической науки, «которая в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого» [8, с. 155].

Сомнений в том, о какой собственно «части» науки ведется речь, не оставляют как многочисленные публикации П.Н. Ключкина, посвященные выявлению российской аналитической мыслительской традиции в теории воспроизводства и кругооборота общественного продукта [14, 15, 12, 9], так и содержание цитируемого обзора. Проблематика, обойденная вниманием отечественных историков экономической мысли, включает, помимо уже названных тем, еще и аналитический марксизм, и «темпоральную версию» Марксовой теории ценности и прибыли и другие, традиционно разрабатываемые представителями неортодоксальных ее течений.

Согласимся, прогресс экономического знания не ограничен движением к современному его мейнстриму. Если научный прогресс уподобить дереву решений, то те его ветви, что были проигнорированы в прошлом, вполне могут обеспечить движение вперед к истине, в особенности, если ныне господствующая ветвь исследований не оправдывает возлагавшихся на нее надежды в деле объяснения экономической реальности. Традиционная «ортодоксальная» историография игнорирует прошлые «развилки», способствует забвению важных идей, в силу чего и оказывается актуальным историографическое движение «назад в будущее» с целью построения исторической родословной для новой альтернативной теории. Возвратное историографическое движение ведет в данном случае не к «первому разветвлению» – неоклассической ветви науки, а к «стволу» последней¹.

Иными словами, создавая историю экономической мысли, можно отталкиваться от перспективы целого ряда представлений, взглядов или теорий, принятых в качестве стандартов суждений для их интерпретации. И необязательно «точкой возврата» в прошлое должны быть представления «победителей»: инструкции о том, как интерпретировать прошлое науки, могут давать не одни только представители мейнстрима, но и альтернативных, неортодоксальных научных направлений, будь то марксизм или неорикардизм. Создаваемая при этом история часто начинается с обсуждения текущих проблем в экономике, дающего толчок историческому движению назад во времени, чтобы возвратиться к развилке с целью поиска в прошлом «источника вырождения» экономического знания, характеризующего и современные исследования.

В свое время М. Блауг подверг критике историографическую позицию неорикардизмцев, назвав «грубым преувеличением» и «далеко идущим пересмотром всей истории экономической мысли» выделение двух «великих направлений»: одного, ведущего к современному мейнстриму; другого, неорикардизмского, идущего от Рикардо и Маркса к Сраффе и его последователям [2, с. 135]. Что заставило последних предложить риторически более изощренные историографические подходы, с одним из которых отечественный читатель смог познакомиться благодаря переводу статьи «Куда идет история экономических учений: медленно двигается никуда?» Х.Д. Курца [16, с. 3–25]², в основу которой было положено президентское послание последнего Европейскому обществу истории экономической мысли [24].

Формально Х. Курц противопоставляет «виггизму» (либеральной концепции истории экономической науки)³ или презентизму традиционной историографии, изучающей прошлое экономического знания с позиций современного мейнстрима, зеркально противоположный подход исследования «современного состояния экономической науки с точки зрения ученых прошлого» [16, с. 8]. На деле же, речь идет отнюдь не об историцистском, ретроактивном подходе к познанию прошлого, а еще об одной разновидности презентистской же рациональной реконструкции, предпринимаемой с целью поиска в прошлом альтернативы.

В своем стремлении не допустить с помощью истории экономической мысли «провинциализации» экономической науки во времени, Х. Курц ратует фактически за стандартный в историографии подход, выстраивающий непрерывный, «пронизывающий» различные исторические периоды, диалог между экономистами. Меняется цель, но не средства ее достижения, и в этом смысле неорикардизмцы, предпринимающие движение назад с целью вдохнуть новую жизнь в классическое наследие, вряд ли могут считаться создателями принципиально новых историографических установок.

¹ Подробнее о «древовидных» моделях развития науки, в том числе экономической в [19, с. 40–43].

² Полный текст статьи [23, р. 463–488].

³ Название («Whig History») восходит к историкам-вигам XIX в., интерпретировавшим систему управления в средневековой Англии в свете «современности»: английская политическая история рассматривалась исключительно как прогрессивное совершенствование либеральной парламентской демократии. Во многом уничижительная характеристика «либеральная интерпретация истории», выйдя за пределы общей историографии, получила распространение и в историографии науки, где стала ассоциироваться с практикой описания процесса формирования или развития экономической теории вплоть до современного ее состояния или демонстрации связи современных идей с наследием «старых мастеров». Как результат, развитие экономической мысли приняло форму линейной прогрессии к существующим истинам.

Историография в контексте теории

«Технология» подобной реконструкции получила известность в отечественной историко-экономической науке благодаря работам того же П.Н. Ключкина, который, как и его западные коллеги, полагает, что «наложение границ исторического периода на логику развития мысли ущемляет ее права и возможности и отказывает ей в способности быть первичной реальностью» [11, с. 12]. Вследствие чего, требование непрерывности развития экономической мысли ставится выше принципа линейности, вытекающего из периодизации истории последней.

Свой подход к изучению прошлого экономического знания автор предпочитает называть «аналитической реконструкцией», противопоставляя его подходу «историографическому», который, на его взгляд, тождественен классификации исторического материала, ценой утраты его теоретического потенциала⁴. Историографический подход предполагает лишь поступательное историческое движение, которому аналитическая историография предпосылает движение возвратное с исходным пунктом в настоящем. Возвратное движение позволяет представить ту или иную теорию, концепцию, идею, метод в виде определенной мыслительной традиции, то есть сущностей важных прежде всего в их соотношении, связи с современностью, неведомыми путями избежав при этом презентистского «соблазна» – считать идеи признанного последним представителя традиции окончательной вершиной и «аршином» для измерения ее прошлого.

Преимущество подхода его автор определяет сколь витиевато, столь и образно, что не позволяет удержаться от соблазна привести обширную цитату. «Такой подход, взятый в своей абстрактной полноте, направлен на освобождение от деления истории а priori на предысторию (прошлое) и действительную историю, – деления, прочно восседающего в современном предубежденном уме и уничтожающего таким образом вообще всякую историю, кроме той, которая еще в памяти; он рассматривает историю не как «мертвую собаку», не как шлейф или бремя, годное для того, чтобы тащить его за собой, а при случае избавиться и вздохнуть, наконец, свободно. Он мыслит ее как пространство, которое, коль скоро в нем происходит драматическая борьба идей, делает возможным и криволинейное движение, поначалу, правда, не имевшееся в виду; это самопроизвольное отклонение атома, тем не менее, происходит, как выясняется, по внутренней логике и по принципам, по которым хранилище свободной мысли можно отличить от мечтательного мира, остающегося в вакууме» [10, с. 12–13].

Историографический подход если и обеспечивает синтез прошлого и настоящего, то не органический, а механический, «простую экстраполяцию прошлого на настоящее», пытающуюся стереть границу между ними, но не достигающую этой цели. Органический же синтез достигается благодаря возвратному движению мысли – «истории, отталкивающейся от настоящего» («подлинно исторической компоненте», «настоящей исторической ретроспективе»), которая обогащает традицию. Последнее отчетливо проявляется на этапе поступательного исторического движения, уже опосредованного предшествующим возвращением, что равнозначно «собираанию» той или иной мыслительной традиции. Автор даже предлагает «схему» поступательного движения мыслительной традиции, «формулу истории», долженствующую продемонстрировать процесс ее обогащения [13, с. 16–19; 11, с. 26–32].

Здесь, однако, следует отчетливо сознавать, какой ценой достигается это обогащение. Автор и не скрывает, что «процедура возвратного движения выявляет еще одну свою особенность: она предполагает непосредственное вмешательство исследователя в изучаемый исторический материал, доходящее до своеволия» [13, с. 19]. На деле, речь идет о конструировании традиции, осуществляемом с использованием современного категориального и понятийного аппарата, и шире — аналитического инструментария, современного «стиля мышления». Такое «свободное конструирование прошлого» историком экономической мысли, как полагает П.Н. Ключкин, оправдывается благой целью освобождения его от подгонки под настоящее. «В противном случае, что удивительно, пострадает не прошлое, а само настоящее, которое оказывается прошедшим, неспособным к движению вперед, потому что ему остается воспроизводить себя только посредством исчерпания фиксированного прошлого, т.е. посредством потребления его и эксплуатации» [11, с. 31–32].

⁴ С подобной критикой трудно согласиться из-за неправомерности отождествления историографического подхода исключительно с учетом и регистрацией экономических концепций, направлений, школ, авторов, публикаций, при отсутствии элементарных форм историографической рефлексии. Существование низшего, «фактофиксирующего» уровня в историографии науки неизбежно, как и появление работ, ограничивающихся выполнением регистрирующей функции. Хуже, когда проблема классификации экономических учений и доктрин объявляется «первой ключевой методологической проблемой, встающей перед историком экономической мысли», а решение вопроса целесообразности погружения экономической идеи в породиный их контекст или «приложения» к описанию той или иной теории ее «аналитического исследования» относится к числу дидактических, находящихся на периферии истории экономических учений как экономической науки [18, с. 156–158].

Однако, конструируя историю с использованием собственных представлений и теоретических взглядов, необходимо помнить о том, что подобная методология познания прошлого, объекта исследования, предполагает активное взаимодействие с ним исследователя исключительно на языке этого объекта, но никак не на языке исследователя. В противном случае избежать не удастся не только подгонки прошлого под настоящее, но и разрушительного в него вторжения, если только именно это, а не его познание, изначально и не было целью исследователя, движущегося «назад в будущее».

Настоящая историческая ретроспектива?

О небеспочвенности высказанных опасений, а также о принимающем порой своеобразные формы «собираении традиции» путем вмешательства в исторический материал могут свидетельствовать работы Г.Д. Гловели. Уже само направление политической экономики, именуемое им геополитической экономией, попытку осуществить реконструкцию которой как «имплицитной» тематической традиции российской экономической мысли он предпринял, является искусственно сконструированным. «Жизнью» и столь пристальным вниманием к своей родословной обязанным даже не настоящему, а будущему – перспективе его перехода «в геоэкономику как изучение условий реализации национальных интересов (включая интересы будущих поколений) в глобальной системе «много государств – один рынок» [3, с. 10].

Двигаясь «назад в будущее», автор занят поисками в прошлом, прежде всего, тех следов, что ведут к настоящему, «предвосхищают» его. Он не упускает, пожалуй, ни одного случая обнаружить у отечественных экономистов прошлого «аналитические достижения, предвосхищающие современные реальности и концепции» [4, с. 10]. Экономисты начала прошлого и позапрошлого веков в результате десятилетия, а то и на столетие «предвосхищают» появление концепций «периферийного капитализма», «самоподдерживающегося роста», «механизма формирования устойчивой цивилизации», «экономической триполярности мира» и многих других. Новое геоэкономическое содержание обретают использованные ими понятия и категории. Реинтерпретируются, как экономико-геополитические концепции империализма русских марксистов, богдановская тектология, кондратьевская – длинных волн и т.д.

Напрасно критики подобного более чем свободного конструирования прошлого упрекают автора в отсутствии четко сформулированных теоретико-методологических оснований осуществленного исследования [5, с. 164]. Даже его приверженность хронологическому принципу изложения, насыщение работ биографическим материалом и присутствие немалой доли контекстуализма, не могут ввести в заблуждение относительно их принадлежности к крайним формам презентизма.

Быть может, беды подобного рода реконструкций коренятся в отсутствии у их авторов того, что П.Н. Клюкин называет «умением связывать прошлое и настоящее, непосредственно находить между ними общее» или «исторической способностью воображения», которой, – и с этим его утверждением трудно не согласиться, – «вряд ли можно научить в школах». Мало успокаивает то, что роль фактора, сдерживающего «игру воображения» и ограничивающего «субъективность восприятия истории», отдана им старой доброй историографии, благодаря которой и очерчивается граница области предельно допустимого применения логической реконструкции, «обретается более объективный критерий содержательного развития традиции» [11, с. 18–19]. Вот только демаркировать эту границу сама историография не в состоянии. Сделать это должен исследователь, руководствуясь при этом, наверное, еще одной способностью или «чутьем», на этот раз – к историографии.

В конечном итоге двумя этими крайне субъективными факторами определяется «успех» или, точнее, убедительность создаваемых упомянутыми авторами исторических ретроспектив, конструирующих ту или иную традицию. Их работы как раз и интересны (в разной, конечно же, степени) своей источниковедческой основательностью, обращением к неопубликованным материалам, а также присутствием значительной доли контекстуализма. Степень их убедительности или методологическая ясность заметно снижаются, когда «историческая способность воображения» неизбежно перерастает в методологический анахронизм ретроспективного прочтения текстов, а историографические «детали» обретают интерес исключительно в контексте теоретических достижений экономистов.

Презентизм – залог научности историографии?

Можно было бы уповать на ниспослание историкам мысли «исторической способности воображения» и «благодетельное» (читай – «вразумляющее») воздействие на них историографии, если бы сторонники аналитической реконструкции не стремились только за ней усматривать научный подход к познанию прошлого экономического знания, только ей делегировать право устанавливать

стандарты и наводить порядок в историко-научной области. Превращая тем самым в своеобразный «мейнстрим» предметной области историографии экономической науки, поскольку доминирование в ней презентистской методологии неизбежно ведет и к доминированию определенного видения предмета познания. Соответственно, в лучшем случае выталкивая историцистский/историографический подход за пределы этого «мейнстрима», в разряд альтернативных направлений историко-экономической науки, в худшем – оставляя на его долю ненаучное коллекционирование фактов и сведений, повышающих общую культуру экономиста.

Между тем, закрепляя дело превращения истории экономической мысли в научную дисциплину за той частью экономической науки, которая исключительно в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого, приверженцы такого «мейнстрима» фактически лишают историю экономической мысли собственного предмета и методов, отличных от современной экономической теории. История экономической мысли в этом случае – неотъемлемая часть экономической теории/теорий, что закрепляет за ней презентистскую традицию обсуждения прошлого экономического знания с позиций современного теоретического дискурса.

Рациональные/аналитические реконструкции потому и оказались приоритетным историографическим направлением, что обеспечивают современное понимание старых идей и теорий, создают основание для новой теоретической работы. Истории экономической мысли, следовательно, отводится роль инструмента в строительстве современной теории, будь то мейнстрим или неортодоксальные ее направления, потребителя историко-экономического знания. В лучшем случае доводящего его до готовности в целях текущих исследований, а в некоторых – использующего лишь в качестве своеобразной «приправы»⁵ к ним, но никак не производителя нового историко-экономического знания.

Весьма типична в этом смысле, например, позиция О.Ю. Мамедова. Называя историко-экономические исследования «излюбленным занятием наших западных коллег», превратившимся у нас в «диовинку», он отнюдь не имеет в виду упадок и маргинализацию дисциплины истории экономической мысли в стране. Историко-теоретическое исследование проблемы, на его взгляд, – это один из важнейших способов обоснования последней, выступающий непременным условием ее внутринаучной постановки, демонстрирующий исследуемую проблему как «итог внутринаучного развития экономической теории» [17, с. 8]⁶.

Обретение историей экономической мысли собственного предмета связано, в первую очередь, с преодолением презентизма. Будь он результатом рассмотренного выше увлечения неортодоксальными направлениями, наследием марксистского периода ее бытования или «шараханья» к неоклассическому мейнстриму.

Марксистская история экономической мысли, сложившаяся в советский период, когда вся история экономической науки сводилась к предыстории марксизма, может служить классическим примером презентистской истории. Причем создаваться такая история могла как с акцентом на внутреннюю историю научных идей, так и путем описания исторических событий в терминах прогрессивного, поступательного развития экономической науки, их оценки с позиций презентистской перспективы⁷.

В первое постсоветское десятилетие за образец современной историко-научной методологии, способный задать траекторию движения отечественных исследований, был взят подход, отслеживающий исключительно интеллектуальное развитие предмета, неуклонное движение экономической мысли к истине – современной ортодоксии. В грехе «абсолютизации» которого покаялся его многолетний апологет М. Блауг (его учебнику надлежало выполнить функцию проводника в отечественном историко-научном сообществе новых историографических установок), отрекшийся от ставшего уже доминирующим в западной историографии подхода именно из-за скрывающегося за

⁵ Это, на наш взгляд, удачное сравнение использовала в своем президентском послании, адресованном Европейскому обществу истории экономической мысли и названном «Имеет ли история экономической мысли «серьезный» предмет?» М.-К. Маркуззо для характеристики тех исследований в рамках рациональной реконструкции истории экономической мысли, авторы которых осуществляют текущий экономический анализ с использованием ссылок на авторов прошлого, добавляя, тем самым, исторический «аромат» своим моделям. Подобная «приправа» готовится зачастую без обращения к оригинальным историческим источникам и сводится к приспособлению, интерпретации оригинальных понятий, выработанных «старыми мастерами», с тем, чтобы они соответствовали нуждам современного экономического анализа. И такую «приправу» сторонники рациональных реконструкций считают «серьезным» вкладом в развитие историко-экономического знания [25, p. 110–111].

⁶ Не секрет, что значительная часть статей, появляющихся на страницах западных специализированных историко-экономических периодических изданий, представляет собой вводные главы теоретических работ их авторов, посвященные «историографии проблемы».

⁷ На презентистский характер методологии советской истории экономических учений еще в 1989 г. обратили внимание В.А. Жамин и Я.И. Кузьминов, подчеркнув, что «притягательной чертой подобного метода исторической критики является исключительная простота в обращении: вместо того, чтобы исследовать уникальные исторические условия создания того или иного произведения, достаточно “приложить” его к Марксу» [7, с. 9–10].

ним презентизма, стремления «наряжать прошлые идеи в современные одежды». В результате чего история экономической мысли в современных ее образцах превратилась в рассказ о технических достижениях в моделировании, в своеобразную «технократическую» его версию [21; 20].

Освобождение от интеллектуальной зависимости в развитии предмета экономической теории/теорий, отказ от выполнения роли поставщика «новых» аналитических достижений или интерпретатора «старых» неизбежно ведет к противоположному полюсу оппозиции «презентизм – историзм», к необходимости определения предметной области дисциплины, нацеленной на изучение собственно/собственной истории мысли (а не пред-, недо- или псевдоистории, как ее именуют оппоненты), с неизбежной же оценкой иррациональных моментов в ней⁸.

Новый историографический подход или иная дисциплина?

Восстановление подлинного смысла научной идеи или концепции должно вестись с учетом исторического контекста, задаваемого принадлежностью экономической мысли миру экономики, миру науки (в котором на определенном этапе начинает играть свою важную роль научное экономическое сообщество) и миру идеологии [1, с. 8]⁹. Помещение экономического знания в контекст, равнозначное признанию факта его создания в режиме реального времени, смещает центр исследовательского внимания от научных идей к процессам их производства, т.е. к экономистам и их интересам, конкретным научным сообществам и характерной для них практике, научным институциям или месту, где знание было произведено. Объект исследования уже не ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Объект, будь то дисциплинарная практика, механизмы рождения и распространения идей или знакомая по учебникам «борьба и смена экономических теорий», рассматривается как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов.

Конечные цели исследований, ориентированных в большей мере на историографические, нежели телеологические или доктринальные критерии, являются уже не теоретическими или педагогическими, а эмпирическими. Основанные на архивных разысканиях их авторов, а не только на идеях, изложенных в канонических текстах, они ставят под сомнение «эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров» [6, с. 47].

Задачу добиться баланса между исторической работой по исследованию дисциплинарных практик и теоретической работой по интерпретации научных экономических текстов ставит в качестве основной историко-научный (history-of-science, history-as-science-studies) историографический подход, предложенный в последнем десятилетии минувшего века группой ведущих североамериканских историков экономической мысли (Э.Р. Вайнтрауб, Ф. Майровски, Д.У. Хэндс и др.).

Своеобразным манифестом его сторонников, настаивающим на совпадении дисциплинарных методов и стандартов исследовательской работы и оценки ее результатов с теми, что выработаны и используются историками науки (естествознания), стала статья М. Шабас [26]. Автор констатировала факт существования конфликта между дисциплиной, именуемой ею «историей экономической науки» (history of economics)¹⁰, и экономической наукой. «Экономисты, настаивая на развитии технического инструментария, утратили способность мыслить исторически и, таким образом, больше не будут стремиться к близости с историей эко-

⁸ В своем президентском послании М.-К. Маркуццо констатировала, что рациональные реконструкции утратили в современной западной истории экономической мысли былой статус легитимного и уважаемого способа создания историко-экономических работ, что обеспечило более высокую степень ее дисциплинарной автономии, правда, ценой некоторого отчуждения историков экономической мысли от сообщества экономистов [25, p. 111].

⁹ Отсылая читателя к краткому этому тексту, который вполне мог бы претендовать на роль манифеста сторонников исторической реконструкции или историцистского/контекстуалистского подхода в отечественной историко-экономической науке, отметим некоторую двусмысленность даваемого его автором определения ее задачи (восстановление утраченных смыслов знания), под которым охотно «подписались» бы и противники контекстуализма. Например, самая обширная их группа, занятая исключительно поиском более полного и правильного «понимания» идей экономистов прошлого – толкованием или интерпретацией их текстов в свете современных экономических познаний толкователей.

¹⁰ Исследователи нередко вкладывают различный смысл в понятие «история экономической науки» (history of economics). Одни полагают, что оно должно обозначать исключительно «господствующую» историю экономической дисциплины (mainstream history of the economic discipline), другие – «научный» период ее истории. При этом «история экономической мысли» (history of economic thought) рассматривается как название более плюралистического подхода к прошлому дисциплины, изучающего историю «донаучного» периода, взгляды экономистов «второго», «третьего» ряда, неортодоксальные течения и т.д. Однако, чаще понятия «история экономической науки» и «история экономической мысли» все же используются как синонимы, что демонстрирует, например, М. Блауг на страницах своего учебника. Между тем, переводчики его книги на русский язык, при попустительстве научных редакторов издания, допустили серьезную ошибку, переведя «history of economics» как историю экономики (history of economy или economic history) и отождествив тем самым две разные дисциплины.

номической науки или, по крайней мере, с нелиберальной (non-Whiggish) историей экономической науки. Историки должны будут смириться с этим концептуальным барьером, отделяющим их от экономистов. На мой взгляд, им надлежит оформить развод и заключить союз с историками науки» [26, р. 197].

Речь, следовательно, идет не просто о появлении еще одного подхода к изучению истории экономической мысли, а о размежевании двух разделов дисциплины как логическом результате процесса преодоления ее презентистской ориентации¹¹, поляризации историографических позиций, стремлении к «методологической ясности» (М. Блауг). Понятия «история экономической мысли» и «история экономической науки» уже не воспринимаются как синонимы, они соотносятся с определенными историографическими подходами, что можно расценивать как свидетельство процесса самоидентификации отдельных историко-экономических субдисциплин.

В отличие от истории экономической мысли, теснейшим образом связанной с современной экономической теорией/наукой, ведущей рассказ об интеллектуальном ее развитии, осуществляющей рациональную реконструкцию старых идей (их (ре)интерпретацию), результаты которой кладутся в основание текущих исследований, история экономической науки преследует собственные дисциплинарные – историко-научные – цели, решает иные задачи. Как замечает в этой связи Э.Р. Вайнтрауб, «я не думаю, что в мою задачу как историка входит спорить с экономистами о правильном способе производства экономического знания или о том, идет ли мейнстрим науки в верном или неверном направлении. Моя задача как историка заключается в том, чтобы создавать истории экономической науки, а не реконструировать дисциплину экономикс. Историческая реконструкция – написание историй экономической науки с учетом непредвиденных обстоятельств времени и места, личности и контекста – является трудной и одновременно важной задачей историка экономической науки» [28, р. 280].

В решении этой задачи сторонники подхода солидарны, пожалуй, пока лишь в одном – в противопоставлении презентизму объективного, непредвзятого подхода к историографическому материалу. Историки экономической науки предлагают поставить во главу угла оценки создаваемых реконструкций историографические критерии. Историк экономической науки, оправдывая присутствие слова «история» в названии дисциплины, должен не довольствоваться интерпретацией уже известных текстов, а быть нацелен на архивный поиск, привлечение альтернативных источников исторической информации, демонстрировать своими работами владение исследовательскими навыками и ремеслом историка. «[С]тандарты, по которым должна быть оценена отдельная работа в области истории экономической науки, совпадают с теми, по которым оцениваются исследования в истории физики или истории молекулярной биологии; определенно, это стандарты, принятые профессиональными историками для оценки исторических работ» [29].

Новый подход в историографии экономической науки не нашел пока широкого отклика у представителей историко-экономического сообщества [22], поскольку историко-научные исследования и их результаты далеко не всегда повествуют о героической прогрессивной борьбе против «темных сил времени и невежества». Из-за этого представители мейнстрима (как экономического, так и историко-экономического) рассматривают исторические реконструкции как критику, бросающую вызов эпистемологической власти господствующей науки, связывают историю экономической науки с иноверием, относят к неортодоксальным научным направлениям. Со всеми вытекающими из этого последствиями в виде сокращения учебных программ, финансирования, ограничения в доступе в профессиональные экономические издания и т.д. [27].

Кроме того, отвергая презентистскую установку на построение непрерывности развития экономической науки (достигаемой во многом благодаря «возвратному» движению, реконструирующему прошлое науки с помощью существующих теоретических взглядов), историко-научный подход, настаивая на дисконтинуальных представлениях об историческом развитии, неизбежно ставит на повестку дня немало вопросов, находившихся и находящихся вне поля зрения традиционной историографии. Например, вопрос об оптимальной единице историографического анализа науки, на уровне которой более отчетливо могут быть выявлены как интеллектуальные, так и социальные аспекты научной деятельности. В свою очередь, выбор такой структурной единицы науки актуализирует проблему поиска предпочтительных методов, которые следует применять для ее изучения и т.д. То есть вопросов и проблем, лишаящих исследователей комфортной жизни толкователей или интерпретаторов классических текстов.

Обсуждение перечисленных проблем, решение которых может способствовать выработке собственных методов и стандартов историографии экономической науки, использованию эвристического потенциала, заложенного в историко-научном подходе, представляет собой тему отдельного разговора, выходящего за рамки настоящей статьи.

¹¹ Показательно, что широкое обсуждение основных параметров историко-научного подхода развернулось в рамках дискуссии в Интернете на «форуме» Общества истории экономической мысли (The History of Economics Society Website) в 1996 г. по теме «Либеральная (презентистская) история экономической науки мертва – что теперь?» [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьин О.И.* Развитие экономической мысли: исторический контекст // История экономической мысли: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2000.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
3. *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия в России. От дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетей, 2009.
4. *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия как традиция российской экономической мысли: Автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01 / М.: Институт экономики РАН, 2009.
5. *Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.* Геополитическая экономия России (о книге Г.Д. Гловели «Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.)») // Пространственная экономика. 2010. № 2.
6. *Дин Ф.* Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2002.
7. *Жамин В.А., Кузьминов Я.И.* Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / Под ред. В.А. Жамин. М.: Экономика, 1989.
8. *Клюкин П.* Серия «Антология экономической мысли» и новое издание «Капитала» К. Маркса // Вопросы экономики. 2010. № 11.
9. *Клюкин П.Н.* Генетический принцип в исследовании наследия Е.Е. Слуцкого и его основные результаты // Слуцкий Е.Е. Экономические и статистические произведения: Избранное. М.: Эксмо, 2010.
10. *Клюкин П.Н.* Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
11. *Клюкин П.Н.* Конъюнктурный институт в новых исторических координатах («экономическая мысль – хозяйственная система») // Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института / Науч. ред. и сост. П.Н. Клюкин. М.: Экономика, 2010.
12. *Клюкин П.Н.* Кругооборот общественного продукта в русскоязычной «традиции Туган-Барановского»: Н.И. Бернштейн и Л.В. Курской // Финансы и бизнес. 2009. № 4.
13. *Клюкин П.Н.* Поворот к физиократической метафизике (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ) // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.
14. *Клюкин П.Н.* Ревизия неорикарданской теории ценности и распределения: новые свидетельства и горизонты // Вопросы экономики. 2007. № 5.
15. *Клюкин П.Н.* Творческое наследие Г.А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2008. № 2.
16. *Курц Х.Д.* Куда идет история экономических учений: медленно двигается никуда? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2008. № 3.
17. *Мамедов О.Ю.* Самые сложные проблемы – внутринаучные! // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 1.
18. *Орехов А.М.* Методы экономических исследований: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009.
19. *Полетаев А.В.* Классика в общественных науках // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
20. *Blaug M.* No History of Ideas, Please, We Are Economists // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15. № 1.
21. *Blaug M.* On the Historiography of Economics // Journal of the History of Economics. 1990. Vol. 12. № 1.
22. *Emmett R.B.* History of Economics and History of Science. A Comparative Look at Recent Work in Both Fields // Research in the History of Economic Thought & Methodology / J.E. Biddl, R.B. Emmett (eds.). 2010. Vol. 28-A.
23. *Kurz H.D.* Whither the history of economic thought? Going nowhere rather slowly? // European Journal of the History of Economic Thought. 2006. Vol. 13. № 4.
24. *Kurz H.D.* Whither the history of economic thought? Going nowhere rather slowly? // http://www.eshet.net/src/Presidential_address_Kurz.pdf.
25. *Marcuzzo M.C.* Is history of Economic Thought a «serious» subject? // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2008. Vol. 1. № 1 // <http://ejpe.org/pdf/1-1-art-5.pdf>.
26. *Schabas M.* Breaking Away: History of Economics as History of Science // History of Political Economy. 1992. Vol. 24. № 1.
27. *Weintraub E.R.* Economic Science Wars // Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 29. № 3.
28. *Weintraub E.R.* Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science // Journal of the History of Economic Thought. 2001. Vol. 2.
29. *Weintraub E.R.* What Defines a Legitimate Contribution to the Subdiscipline «History of Economics?» // History of Economics Society Mail List. 1996 // http://www.eh.net/HE/hes_list/Editorials/weintraub.php.
30. Whig History of Economics Dead – Now What? // http://www.eh.net/HE/hes_list/index.php.